

Y1: AAAAAAA

Ремус спустился в кабинет Дамблдора в ту самую секунду, когда в среду утром закончился комендантский час. "Сахарные перья", - сказал он горгульям, и они с готовностью разрешили ему войти. Прежде чем войти, Ремус несколько раз постучал по стене.

"Входи", - сказал Дамблдор с очень усталым голосом. Ремус вошел.

"Простите, сэр, я передумал, я не спал всю прошлую ночь, беспокоясь об этом; я бы очень хотел вернуть свою память, или чтобы вы уничтожили ее, или еще что-нибудь..." Ремус замолчал, заметив выражение лица Дамблдора. "...О. Вы уже посмотрели его, не так ли?"

"Да. Боюсь, я тоже не спал всю прошлую ночь".

"Простите, сэр!" Ремус почувствовал себя немного плохо. Он не знал, о чем он думал. Это было личное. "Я не должен был давать его вам; я пытался вспомнить, что я делал, но не мог, а я не выношу, когда кто-то другой знает, что происходит, и я знаю, что вы не можете помочь..."

"Ремус. Успокойся."

"Я... пожалуйста, скажите мне, что вы... это было не очень уместно показывать вам, сэр..."

"Я не воспринимаю тебя по-другому... разве что теперь я испытываю здоровое уважение к твоему репертуару поэзии".

Ремус смущенно закрыл глаза. "Может быть, если бы вы могли использовать Обливиэйт, чтобы я не знал, что вы знаете. Или что-то в этом роде".

"Я не думаю, что это будет необходимо. Ремус, ты слышишь меня? Ты вел себя замечательно".

"Я не вел. Я нервничал, сэр. Я всегда нервничаю, что немного глупо, учитывая, что прошло уже более семи лет".

"Это совсем не глупо. Это не та информация, которую я часто разглашаю, но я, как и многие другие, пережившие войну, неоднократно подвергался проклятию Круциатус. Я могу сказать вам с уверенностью, что такая боль, как правило, не становится легче".

"Вы... вы...? Это совсем не то же самое. В... полнолуние гораздо легче, чем пережить круциатус".

Брови Дамблдора слегка сдвинулись вверх, и он наклонился вперед, сцепив руки. "И откуда ты знаешь, Ремус?"

Ремус долго ждал, прежде чем ответить. "Э, я полагаю... Я не знаю. Но из того, что я читал... он создан для того, чтобы причинять самую сильную физическую боль, не убивая человека".

"Ты ведь был под ним раньше, не так ли?" - спросил Дамблдор: каким бы хорошим лжецом ни был Ремус, его нерешительность была до боли очевидна.

"Однажды. Это была... это была кучка тупых подростков из Дурмстранга - они жили в соседнем районе - выяснили, кто я такой, и... думали, что делают обществу одолжение. Это было не так плохо, как могло бы быть; они были всего лишь подростками. Едва ли они это почувствовали. Я не думаю, что это считается, если честно".

"Но это все равно было хуже, чем трансформация?"

"Ну, да. Но там было... психологически... трансформация в некотором смысле хуже. Я могу... чувствовать... свой разум... это самое худшее. Я действительно не должен был говорить тебе об этом".

"Прости меня. Мне просто любопытно". Лицо Ремуса было очень бледным, и он тщетно пытался спрятать подрагивающие пальцы. Если Дамблдор и заметил, как нервничает Ремус, он ничего не сказал. "Садись. Мы можем побыть здесь некоторое время".

"Я пропущу завтрак".

"Так получилось, что у меня есть сухарики в жестяной банке слева от тебя. Джем рядом, в синей банке". Ремус взял простой сухарик и сел, смущенный до крайности.

"Сэр. Простите".

"Так ты сказал", - сказал Дамблдор, делая глоток чая. "Как много поэзии ты знаешь?"

Ремусу тоже было неловко, но он был благодарен за смену темы. "Мне нравится декламировать, когда я нервничаю. Ритм успокаивает, я думаю... и не то чтобы мне было чем заняться; большую часть своей жизни я был прикован к дому".

Дамблдор улыбнулся. "Уолт Уитмен - мой любимый стих, особенно про капитана корабля. Вы его знаете?"

Ремус в ужасе кивнул. "Спереди, сзади и наизнанку, сэр".

"И я заметил, что ты умеешь играть на пианино?"

"Только одну пьесу. Я подумал, что это будет забавно. Мама так не думала".

"Я думаю, это очень смешно. Я и сам немного владею фортепиано, хотя, боюсь, могу играть только отвратительную поп-музыку". Ремус попытался представить себе Дамблдора, играющего на пианино отвратительную поп-музыку, и чуть не выплюнул свой пирожок. "Как вы понимаете, профессор МакГонагалл запретила мне включать музыку на вечеринках для персонала".

"Сэр... вы не..."

"Я не жалею тебя. Я пережил еще одну войну. Я видел много великих и ужасных вещей. Смеею заметить, что превращение в оборотня - не самая жестокая и не самая болезненная вещь, которую я когда-либо наблюдал. Я думаю о тебе не хуже".

"Верно."

"И у меня есть несколько предложений".

"У вас есть?" Ремус не мог в это поверить. Неужели Дамблдор действительно нашел способ помочь? Не вылечить, нет, но, возможно, показать ему память стоило того...?

"Да. Боюсь, ничего серьезного. Мелочи".

"Мелочи очень помогают".

"Действительно, помогают. Сначала, однако, у меня есть несколько вопросов. Прошу прощения, если они будут неудобными".

Ремус прикусил губу. "Валяйте, сэр. Я сделаю все возможное, чтобы оставаться спокойным".

"Я уверен в этом. Боль, которую вы испытали дважды в течение часа, предшествовавшего превращению: это происходит каждый раз или редко? ты знаешь, что именно происходит?".

"Это происходит не постоянно, сэр. Только... только на плохих лунах. Может быть, двадцать процентов времени. Я не всегда так сильно болею до этого, и иногда травмы после этого проходят. Все зависит от обстоятельств. Я не знаю, почему это происходит. В основном, это ощущение - как будто я не могу дышать. Папа думает, что это как-то связано с моими легкими... поскольку они меняют форму и все такое в полнолуние. Больше всего за одну ночь это случалось три раза".

"Понятно. А насколько ясны твои воспоминания о самом превращении?"

"Довольно... четкие? Я не знаю, что вы имеете в виду. Я помню это".

"И я так понимаю, вы помните, что происходит во время полнолуния?"

"Прекрасно".

"Значит, вы помните свои мыслительные процессы, когда луна взошла?"

"Да, сэр", - сказал Ремус, устыдившись. Он ненавидел эту часть.

"Что ж, это удачно".

"...Что?"

"Я уверен, что для тебя это, конечно, очень неприятно. Но теперь ты можешь сказать мне, было ли в комнате что-то, что тебя еще больше взволновало. Может быть, окно? Я заметил, что вас к нему тянуло".

Лицо Ремуса, он был уверен, стало ярко-красным. "Дело не в окне. Не совсем. Оно просто было... там; иначе это была бы стена или что-то в этом роде. И лучше окно, чем я".

"Действительно." Дамблдор, казалось, задумался. "Ну, на данный момент у меня есть четыре предложения. Не лечения, но предложения - предложения, которые ты можешь принять или проигнорировать. Это полностью ваш выбор".

"Хорошо."

"Первое: я заметил, что вы сжимали руки во время трансформации. Я бы рекомендовал тебе постараться перестать это делать".

"Почему?"

"Когти".

"Ах." Ремус посмотрел на свои ладони, которые все еще были завернуты в марлю. "Теперь это... понятно". Он никогда не думал об этом раньше. Неудивительно, что после этого у него так болели руки.

"Второе: я бы рекомендовал стиснуть зубы, а не кусать губы. Я понимаю, что это больно... но так вы не откусите себе губу. твои зубы обычно становятся довольно острыми".

"Да, я заметил." сухо сказал Ремус и тут же пожалел о своем сарказме. "Извините".

"Ничего страшного. В-третьих: я понимаю, почему ты хотел прийти в здание пораньше. Но беспокойство ни к чему хорошему не приведет - у меня есть теория, что предвестники приступов вызваны стрессом, и я не вижу причин, почему твое психическое состояние перед полнолунием не перенесется на твое психическое состояние во время полнолуния. Мне кажется, что ожидание часто является одним из худших моментов".

Теория Дамблдора имела смысл. Все дни, которые Ремус мог вспомнить, когда случались эпизоды перед луной, были очень напряженными. Это было то, что следовало изучить. Дома это не часто было проблемой; каждый день был таким же, как и предыдущий.

"Я не могу просто перестать волноваться, сэр. Как вы и сказали: это одна из самых худших частей. Я не знаю, что еще делать".

"Ну, стихи, кажется, помогли", - сказал Дамблдор. "Может быть, вы позволите мадам Помфри подождать с вами, хотя бы час?"

"Нет".

"Или я сам?"

"Нет".

"Понятно. Тогда я бы посоветовал продублировать книгу для чтения, или, может быть, ваши записи. Я уверен, что профессор Флитвик с радостью научит тебя чарам; он был впечатлен тем, как быстро ты освоил левитирующие чары".

Ремус улыбнулся. Возможность читать, пока он ждет, может быть очень приятной. "Это хорошая идея", - сказал он. "И папа уже научил меня этим чарам. Хотя я не думаю, что это поможет позже, когда трясина начнет сильно". Ремус задумался, как долго он сможет сосредоточиться на книгах или заметках. Ему было интересно, насколько темно будет в здании в холодные ночи. Ему было интересно, что случится с Дублированной книгой после его трансформации. Затем он понял, что размышляет вслух и точно бредит перед Дамблдором. Он почувствовал, что его лицо покраснело. "Это было бы очень полезно, сэр; спасибо".

"Всегда пожалуйста, Ремус. У меня есть еще несколько теорий, но некоторые из них могут привести к опасным экспериментам, чего, я полагаю, вы не хотите?"

"Да. То есть, нет. То есть, ты прав. Я не хочу этого".

"Я собираюсь чинить мебель в хижине после каждого полнолуния. Иметь другие вещи для уничтожения - а не себя - кажется хорошей идеей. Мое последнее предложение - и помните, это ваш выбор - позволить мне просмотреть некоторые из ваших воспоминаний о будущих лунах, чтобы мы могли продолжать совершенствоваться".

Ремус задумался. Дамблдор был гораздо спокойнее и понятливее, чем Ремус мог себе представить... и у него действительно было несколько отличных предложений. Но Ремуса смущало, что кто-то другой знает каждую деталь. Он не знал, о чем думал, позволяя Дамблдору видеть эти воспоминания. Теперь, когда Дамблдор уже знал, Ремус предполагал,

что позволить ему увидеть больше будет гораздо проще... но нет. Даже если кто-то еще знал, полнолуние все равно оставалось очень личным делом, и Дамблдор, каким бы добрым он ни был, был не тем человеком, с которым можно поделиться этим. Ремус не знал, сможет ли он пережить еще одно полнолуние, зная, что кто-то будет наблюдать за ним потом.

"Спасибо, сэр, - сказал Ремус, - но нет. Я не могу этого сделать. Мне нужно... уединение".

"Конечно; я все понимаю. Я не думал, что ты согласишься, но я хотел предложить такой вариант. Он все еще открыт, если ты захочешь им воспользоваться. И Ремус: еще раз спасибо тебе. Я знаю, что это потребовало необычайного доверия, и я надеюсь, что помог хоть в малой степени".

"Да", - медленно сказал Ремус. "Это... приятно... что кто-то еще знает. Это меньшее бремя для меня. И если мне когда-нибудь понадобится... поговорить или что-то еще, то тот факт, что вы уже знаете почти все, будет... полезен. Большое спасибо."

"Не за что. И я хотел бы еще раз заверить тебя, что я видел гораздо хуже. Я не думаю о тебе ничего плохого - я только восхищаюсь твоего храбростью. Что я и делал раньше, в любом случае. Лимонный леденец?"

"Нет, спасибо", - сказал Ремус. "Который час?"

"Время травологии, если я не ошибаюсь. Ты немного опоздаешь. Скажите профессору Спраут, что я вас задержал; уверен, она поймет. Тогда иди, и не стесняйся взять еще один сухарик по дороге".

Ремус одарил профессора Дамблдора еще одной благодарной улыбкой и стремительно вышел из кабинета так быстро, как только мог, незаметно для себя.

Ремус вошел в кабинет Гербологии с опозданием. Профессор Спраут пытливо посмотрела на него, но не стала задавать вопросов; однако Ремус все равно счел нужным объяснить.

"Профессор, я был у профессора Дамблдора и обсуждал... некоторые вещи", - сказал он.

Профессор Спраут улыбнулась ему, глядя прямо в глаза, и Ремус чуть не упал замертво от удивления. "Конечно, дорогой. Мы просто практиковались в удобрении почвы. Спроси у мистера Поттера, что ты пропустил; я уверен, он будет рад тебе помочь".

Ремус нашел Джеймса, который действительно был рад прекратить удобрять и объяснить. "Так, вот эта куча - навоз Лунного Полумесяца; тебе нужно быть очень осторожным, чтобы не испачкать им свою мантию..."

"Это отвратительно", - усмехнулся Сириус. "Абсолютно отвратительно. Напоминает мне волосы Снейпа".

Джеймс захихикал, а Ремус ужаснулся. Это было гораздо более прямолинейно и грубо, чем все, что Снейп когда-либо говорил Ремусу. "Какой совок мне использовать?" - спросил он, пытаясь сменить тему.

"Тот, что слева от тебя", - сказал Джеймс. "Большой".

Удобрять почву было скучной работой, и это определенно тот случай, когда усиление чувств

было скорее проклятием, чем благословением. Джеймс и Сириус все время шутили, пытаясь забросать друг друга удобрениями и украсть друг у друга совочки. Ремус заметил, что Лили все это время бросала на них странные взгляды - даже страннее и страшнее, чем удобрения, готов поспорить Ремус.

"Что-нибудь интересное произошло, пока меня не было?" спросил Ремус у Сириуса, пытаясь отвлечь своих друзей и остановить их от швыряния навоза друг в друга, как безумные обезьяны.

"Да, вообще-то!" - сказал Сириус. "Джеймса и меня наказали".

"Что?!"

"Наказание. Сегодня вечером. В шесть. Хочешь пойти?"

"Э, нет. Что ты натворил?"

Джеймс ухмыльнулся и толкнул Сириуса, который сунул руку прямо в навоз, чтобы устоять на ногах. "Мерзость!" - пожаловался он.

"О, заткнись, ты же в перчатках", - сказал Джеймс. "Помнишь, как зовут сову Сириуса?"

"Ругательство или высокий писк?"

"Крик. Ну, мы с Сириусом говорили о его сове и, конечно, несколько раз произнесли его имя. Очевидно, профессор Спраут не любит крики в своем классе".

"Не знаю почему", - сказал Сириус. "По словам Андромеды, они ухаживают за мандрагорами на втором курсе".

"Ну, она попросила нас прекратить, а потом Сириус сказал..."

радостно вклинился Сириус. "Что, ты хочешь, чтобы мы перестали говорить о ААААААА? Но АААААА - моя любимая сова! Ты знаешь, что ААААААА съел мою домашнюю работу в тот вечер? Я сказал ему: "АААААА, не делай этого", но АААААА все равно сделал, и тогда АААААААА..."

"Мистер Блэк, хватит!" - сказал Спраут. "Завтра будет еще одно наказание".

"Ой."

"Этого и следовало ожидать, приятель", - сочувственно сказал Джеймс. "Интересно, что она заставит нас делать?"

Сириус пожал плечами. "Эй, Пит, подай мне совок. Джеймс украл мой", - сказал Сириус.

Питер, казалось, не обращал на него внимания (он энергично удобрял свое растение), поэтому Ремус протянул Сириусу свой совок. "Как ты только что назвал Питера?" - спросил он, окончательно запутавшись. Питера звали не Пит, а Питер. Ремус знал, что Сириус был умным, поэтому его память не могла быть настолько плохой.

"Пит...? Это называется прозвище", - сказал Сириус. Ремус не знал, как к этому относиться, и Сириус рассмеялся над растерянным выражением лица Ремуса. "Питер такой ушлый и душный".

"А Сириус не такой?"

"Может быть, но лучшей альтернативы нет. Джеймса тоже нельзя сократить. Но у Пита очень подходящее для прозвища имя. Люди постоянно дают другим прозвища. Ты что, в каменном веке живешь?"

Ремус и не подозревал, что прозвища - это так нормально. Он вдруг почувствовал необходимость объясниться, хотя то, что он был немного невежественным, когда речь шла о нормальном общении со сверстниками, не могло выдать в нем оборотня. "Довольно много. Интроверт, знаете ли... никогда особо не выходил в свет".

"Это многое объясняет", - сказал Джеймс.

"Что ты имеешь в виду под "это многое объясняет"?" сказал Ремус, притворяясь оскорбленным. "Должен заметить, что я весьма искусен в общении".

"Лучше, чем Пит", - сказал Сириус. "За весь урок не сказал ни слова".

Питер поднял голову. "Я был сосредоточен. Оплодотворение - это тяжело".

"...Точно. Для тебя, возможно".

"Сириус, отстань от мальчика", - сказал Джеймс. "Это не его вина, что он такой толстый".

Ремус закатил глаза. "Он не толстый. Он очень умный... и его растение выглядит намного лучше, чем твое".

Сириус и Джеймс посмотрели на растение Питера, которое он безупречно удобрял в течение последнего часа. "Справедливо", - сказал Джеймс. "Это очень хорошее растение, Питер".

Питер усмехнулся. "Спасибо. Думаю, ему нужно имя. Хм, посмотрим... Я назову его АААААААА".

"Петигрю!" выругалась Спраут. "Ты тоже будешь наказан!"

Щеки Питера покраснели, но он сразу же просветлел, когда увидел, что Джеймс и Сириус безудержно смеются. Ремус и сам был вынужден скрывать смех. Питер мог быть умным, когда хотел, хотя Сириус и Джеймс часто относились к нему пренебрежительно. Он надеялся, что то, что Джеймс и Сириус задержали Питера, поможет им увидеть то, что сделал Ремус.

На этот вечер у Ремуса была назначена встреча с Хагридом. Он не знал, чего ожидать, но надеялся, что Хагрид не будет слишком часто упоминать оборотней: Сегодня у Ремуса уже был неприятный разговор о ликантропии с одним из его учителей. Он ненадолго задумался о том, чтобы не идти, но понял, что это будет нечестно по отношению к Хагриду (который, похоже, чувствовал себя виноватым за свой промах).

"Куда ты идешь?" - спросил Питер, оторвавшись от своего ужина.

"Хагрид слышал о моем отце и хотел со мной познакомиться".

"Мистер Люпин: знаменитый супергерой, сражающийся с боггартом", - мудро сказал Джеймс. "Мы можем пойти с тобой?"

"Ни в коем случае. У вас же наказание".

"Это только через час!"

"Я не знаю, надолго ли я останусь, а уходить на полпути - это не очень хорошие манеры". По правде говоря, Ремус пригласил бы их с собой, если бы не был уверен, что Хагрид хочет обсудить некий секрет. Ремус не мог дожидаться, пока все учителя достигнут взаимопонимания и больше не будут нуждаться в разговорах с ним. Конечно, он хотел помочь им чувствовать себя комфортно... но это было так неловко.

"Я не думаю, что Хагрид, как никто другой, заботится о вежливости", - заметил Сириус.

"С чего ты это взял?"

"Да ладно, он весь грязный и неухоженный. И этот деревенский акцент!"

"Как знать", - сказал Ремус, который знал толк в несправедливых суждениях. "Возможно, он очень шикарный и очень заботится о манерах. Возможно, у него есть пудель, он носит модные шляпы и использует слишком много вилок, ложек и скатертей".

Джеймс рассмеялся над этой нелепой картинкой. "Моя мама такая же".

"Моя тоже", - кисло сказал Сириус.

"В любом случае, я лучше пойду один. Думаю, разговоры о Боггартах утомят вас всех до смерти".

"Вообще-то, я хочу услышать больше о твоём домашнем боггарте", - сказал Питер. "Гэри, не так ли?"

"Гаррисон. Я расскажу вам сегодня вечером. Он действительно очень милый".

"Я запомнил", - сказал Джеймс. "Лучше не опаздывай на ужин. Хагрид ужасно расстроится, если ты опоздаешь; он, вероятно, мудро смотрит на тикающие карманные часы и полирует свои ложки".

Ремус хихикнул. "Я тебе все расскажу", - сказал он. "Но прежде чем я уйду, Сириус, у меня есть новое имя для твоей совы".

"Наконец-то! Я не могу продолжать называть ее ААААААА", - сказал Сириус. Это, конечно, вызвало странный взгляд почти всех учителей, кроме Дамблдора, который выглядел просто забавным.

"Помнишь, я говорил, что хочу отомстить Джеймсу?"

Джеймс зевнул. "Конечно, мистер Хрупкая Китайская Кукла".

Ремус закатил глаза. "Джеймс."

"Да?"

"Нет, Джеймс. Твоя сова. Назови его Джеймс".

Сириус выглядел озадаченным. "Зачем мне это делать?"

"Ну, подумай о возможностях". Ремус поднял голову и опустил глаза вниз в несколько жалком подобии Сириуса. "Где Джеймс? В совятне, там он чувствует себя как дома. Или, возможно, он летает. У него не очень хорошо получается; всегда врезается во что-нибудь".

Рот Джеймса открылся.

"Ты слышал?" продолжал Ремус, все еще подражая Сириусу. "Джеймс обкакал весь мой завтрак сегодня утром. Хотя я ожидал этого от того, кто ест мышей".

Глаза Сириуса загорелись. "Джеймс сходил с ума этим утром, поэтому я запер его в клетке", - добавил он. "Надеюсь, он не сбежит. И ему действительно нужен кто-то, кто подстрижет ему ногти... Бог свидетель, он сам не может этого сделать".

"Я бы хотел, чтобы он перестал клевать твои волосы", - сказал Ремус. "Он действительно очень плохо себя ведет".

"Ремус!" сказал Джеймс. "Пожалуйста, не надо, Сириус".

"Слишком поздно", - воскликнул Сириус. "Блестящая идея, Ремус. Я назову свою сову Джеймсом, и у меня даже не будет неприятностей из-за этого!"

"Я устрою тебе неприятности!" - сказал Джеймс, с силой пиная Сириуса под столом. Ремус вышел из Большого зала, чувствуя себя очень смущенным.

Хрупкая фарфоровая кукла, действительно.

<http://tl.rulate.ru/book/67209/1787512>